

Гранова М. А. Пространство крестьянского дома в верованиях и обрядах, связанных с духами-«хозяевами» локусов (по данным русских мифологических текстов Пермского края) / М. А. Гранова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 195—219. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-195-219.

Granova, M. A. (2022). Space of a Peasant House in Beliefs and Ceremonies Associated with Spirits-“masters” of Loci (Russian Mythological Texts of Perm Region). *Nauchnyi dialog*, 11 (10): 195-219. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-195-219. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-195-219

**Пространство
крестьянского
дома в верованиях
и обрядах, связанных
с духами-«хозяевами»
локусов (по данным русских
мифологических текстов
Пермского края)**

Гранова Мария Андреевна
orcid.org/0000-0002-2577-6652
кандидат филологических наук
marjanaandreeva@mail.ru

Пермский федеральный
исследовательский центр
Уральского отделения
Российской академии наук
(Пермь, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФ,
проект № 19-18-00117
«Традиционная культура русских
в зонах активных межэтнических
контактов Урала и Поволжья»

**Space of a Peasant House
in Beliefs and Ceremonies
Associated with Spirits-
“masters” of Loci (Russian
Mythological Texts
of Perm Region)**

Mariia A. Granova
orcid.org/0000-0002-2577-6652
PhD in Philology
marjanaandreeva@mail.ru

Perm Federal Research Center
Ural Branch
Russian Academy of Sciences
(Perm, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 19-18-00117
“Russian traditional culture
in the places of active interethnic contacts
in the Urals and the Volga region”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проводится реконструкция традиционных мифологических представлений русских жителей Пермского края о крестьянском доме. Рассматриваются конструктивные элементы и помещения избы, которые воспринимаются носителями традиции как места контакта с духами-«хозяевами» локусов. Выполнен анализ записанных на территории региона мифологических текстов о банике, домовом, лешем и русалке. На этом материале выявляется круг помещений и элементов русской избы, в которых, по поверьям, обитают духи. Пермские верования сопоставляются с общеславянскими. Сделан вывод, что местами контакта человека с духами-«хозяевами» выступают те элементы дома, которые являются сакральными центрами избы (*печь, стол*) либо представляют собой ее периферию (*чердак, голбец, чулан, кухня, ванная, колидор, угол*) или границы (*дверь, порог, крыльцо, окно, крыша, пол, потолок, матица*). При этом важными оказываются такие характеристики этих элементов, как «внутренний — внешний», «верхний — нижний», «центральный — периферийный», отражающие базовую для славянской культуры оппозицию «свой — чужой». Наблюдается частичное осовременивание пространственного кода в верованиях русских Пермского края, что ведет к незначительной трансформации традиции. Новые представления встраиваются в существующие культурные модели (*ванная* встает в один ряд с другими нежилыми помещениями).

Ключевые слова:

крестьянский дом; духи; хозяйва локусов; оппозиция СВОЙ и ЧУЖОЙ; мифологический текст; Пермский край.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A reconstruction of the traditional mythological ideas of the Russian inhabitants of the Perm region about the peasant house is carried out. The structural elements and premises of the hut are considered, which are perceived by the bearers of the tradition as places of contact with the spirits — “owners” of the loci. The analysis of the mythological texts recorded on the territory of the region about the bannik, the brownie, the domovoy, the leshy and the mermaid has been carried out. This material reveals a circle of rooms and elements of the Russian hut, in which, according to legend, spirits live. Permian beliefs are compared with common Slavic ones. It is concluded that the places of contact between a person and the “host” spirits are those elements of the house that are the sacred centers of the hut (*oven, table*) or represent its periphery (*attic, golbets, closet, kitchen, bathroom, corridor, corner*) or borders (*door, threshold, porch, window, roof, floor, ceiling, mat*). At the same time, such characteristics of these elements as “internal — external”, “upper — lower”, “central — peripheral” turn out to be important, reflecting the opposition “one’s own — someone else’s” that is basic for Slavic culture. There is a partial modernization of the spatial code in the beliefs of the Russians of the Perm region, which leads to a slight transformation of the tradition. New ideas are built into existing cultural models (the *bathroom* is on a par with other non-residential premises).

Key words:

peasant house; perfume; hosts of loci; opposition OWN and ALIEN; mythological text; Perm region.

УДК 398.3:81'28(470.83)

Пространство крестьянского дома в верованиях и обрядах, связанных с духами-«хозяевами» локусов (по данным русских мифологических текстов Пермского края)

© Гранова М. А., 2022

1. Введение = Introduction

Настоящее исследование посвящено проблеме реконструкции архаических мифологических представлений русского населения Пермского края как являющихся частью общеславянской мифологической традиции. Актуальность изучения славянской традиционной духовной культуры, в том числе мифологических представлений и связанных с ними обрядов, обусловлена тем, что многие древние верования и ритуалы — в трансформированном или же в изначальном виде — функционируют в среде современных носителей традиции, прежде всего жителей села.

Сегодня в науке существуют различные подходы к изучению традиционных верований славянских народов: фольклористический (см., напр., [Криничная, 2004]), исторический (см., напр., [Левин, 2004; Райан, 2006]), антропологический (см., напр., [Христофорова, 2013; Четина, Роготнев, 2010]), а также этнолингвистический, представленный работами ученых Московской (см., например, [Виноградова, 2000; Левкиевская, 2007]) и Екатеринбургской школ (см., например, [Березович, 2007]).

Настоящее исследование носит этнолингвистический характер. Согласно концепции основоположника Московской этнолингвистической школы академику Н. И. Толстого, реконструкция традиционной народной духовной культуры может осуществляться по данным трех основных культурных кодов — вербального (слова), реального (предметы) и акционального (действия); при этом элементы указанных кодов часто могут выступать как синонимы по отношению друг к другу [Толстой, 1995, с. 23]. Таким образом, при изучении древних верований и ритуалов важную роль играет обращение к предметам материальной культуры, которые наделяются особой семантикой и символикой.

Одним из наиболее значимых объектов материального культурного наследия является крестьянский дом. В традиционной культуре славян он не только выступает как архитектурный комплекс, включающий в себя жилые и хозяйственные постройки, имеющие утилитарные функции, но и наделяется религиозно-обрядовой символикой, осмысливается носителями традиции как символическая модель мира, в которой есть место не только

людям, но и различным демонам и божествам. Объектом нашего анализа станут функционирующие в сознании современных жителей Пермского края архаические верования, опирающиеся на нарративы о контактах человека с духами-«хозяевами», происходящих в доме. Этот фрагмент русской мифологической традиции края ранее не рассматривался учеными, что обеспечивает научную новизну нашей работы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучение роли крестьянского дома и отдельных его элементов в духовной культуре славян ведется учеными в нескольких направлениях. Фундаментальными трудами в этой области являются, во-первых, работа А. К. Байбурина «Жилище в обрядах и представлениях восточных славян» [Байбурин, 1983], где рассмотрены основные принципы организации восточнославянского жилища, сделана попытка реконструкции архаической символики крестьянского дома, а также представлена общая модель внутреннего пространства усадьбы как элемента традиционной картины мира славян; во-вторых, этнолингвистический словарь «Славянские древности» [СД], в котором представлено системное описание символики крестьянской усадьбы и отдельных ее элементов (например, печи, стола, окна, двери и др.) в традициях различных славянских стран. Есть работы, посвященные исследованию роли дома крестьянина в традиционной культуре отдельных славянских регионов, например Русского Севера (см. [Пермиловская, 2004]).

Изучалась также символика дома и его частей в некоторых славянских обрядах: свадебном — дом невесты, дом жениха (см. [Гура, 2011]), погребальном — печь, окно и др. (см. [Седакова, 2004]); специально рассматривались славянские ритуалы, связанные с отдельными элементами крестьянского дома, например с углами (см. [Толстой, 2000]). Изучались также части крестьянской усадьбы (забор, печная заслонка и др.), которые, согласно славянским верованиям, могут выступать в качестве оберегов от различных видов опасности, в том числе от вредоносных мифологических персонажей (см. [Левкиевская, 2002]).

Изучалась и роль крестьянской усадьбы в духовной культуре русских Пермского края. Так, рассматривалась символика конструктивных элементов и помещений дома (порога, дверей, крыльца, окна, половиц, шестка, углов дома, божницы, стола, печи и печной трубы, голбца) и хозяйственных построек (бани) в обряде жизненного цикла — в родинном (см. [Теплова и др., 2012; Чагин, 1993]), свадебном (см., напр., [Брюханова и др., 2020; ЭССТСП]) и похоронном (см. [СМЛФСРГП], а также [Королёва, 2014; Королёва, 2018a]). Ряд работ посвящен описанию дома в контексте календарной обрядности региона, см. монографию А. В. Черных [Черных, 2006,

ч. 1; Черных, 2007, ч. 2], в которой анализируется, например, роль печи, печной трубы и заслонки в обрядах первого выгона скота, а также в святочных гаданиях; роль в гаданиях хозяйственных построек (бани, овина) и нежилых частей дома (подполья). Среди атрибутов гаданий рассматривался также стол и связанные с ним практики столоверчения (см. [Королёва, 2018б]). Одна из работ посвящена символике конструктивных элементов дома (крыши, потолка, матицы, пола, окна, двери, печной трубы) в обрядах облегчения смерти колдуна (см. [Русинова, 2020]). Части дома (печь, труба, князёк, конёк, крыша, матица, охлупень, забор, половица, порог), являющиеся атрибутом магических практик, описаны в «Этнодиалектном словаре мифологических рассказов Пермского края» [ЭСМРПК].

Отметим, что в работах, посвященных духам-«хозяевам» локусов, крестьянская усадьба рассматривалась прежде всего в связи с поверьями о домовом (см. [Криничная, 2004; Левкиевская, 2007]). При этом указанные исследования проводились либо на материале восточнославянской традиции, либо на общерусском материале.

Итак, из приведенного обзора видно, что до сих пор не проводилось специальных исследований верований русских жителей Пермского края, отражающих восприятие ими крестьянского дома как места контактов с духами-«хозяевами» различных локусов. Однако многие из таких верований сохраняются в сознании носителей традиции до настоящего времени и транслируются как вербально (в виде текстов поверий, описаний обрядов и т. д.), так и в виде ритуальных практик, поэтому представляют интерес для ученых.

Все сказанное обусловило цель нашего исследования — систематизация данных о тех элементах и помещениях крестьянского дома, которые являются значимыми в поверьях и обрядах, связанных с духами-«хозяевами», функционирующих в русской мифологической традиции региона. Материалом исследования стали мифологические тексты об указанных персонажах, извлеченные из фольклорного и диалектологического архивов филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета [ФА ПГНИУ; ДА ПГНИУ], фольклорно-этнографических сборников Пермского края [ББ; В каждой ..., 2007; ВС; ЗС; КБ; КС; Русские ..., 2008; УД] и диалектных словарей региона [СПГ; СРГЮП]. Отметим, что под мифологическим текстом мы, вслед за Е. Е. Левкиевской, понимаем такой текст, который содержит сведения о мифологическом явлении, представляет их как достоверные и транслирует в соответствии с ситуационными (или семантическими) моделями, существующими в традиции; такой текст функционирует в разных формах бытовой, полуоубрядовой и обрядовой речи и воспроизводится в ней в определенных тематических, языковых и ситуативных формах [Левки-

евская, 2007, с. 458—459]. Необходимо сказать, что, поскольку накопленный объем мифологических текстов о духах локусов, сбор которых ведется пермскими учеными¹ в разных районах с 1980-х годов, сегодня является поистине огромным, в настоящей работе мы, во-первых, будем анализировать мифологические представления лишь о четырех персонажах — двух духах «человеческого» пространства (баннике и домовом) и двух духах природного пространства (лешем и русалке); во-вторых, ограничимся рассмотрением лишь крестьянской избы, а не усадьбы в целом, поскольку в рамках одной статьи не представляется возможным рассмотреть и дом, и хозяйственные постройки.

В круг задач нашего исследования входит: 1) выявление помещений и элементов крестьянского дома, являющихся, согласно поверьям, местами обитания и / или появления духов локусов и возможных (в том числе ритуальных) контактов с ними человека; 2) определение признаков этих частей дома, которые обуславливают появление у них мифологической семантики, а также описание этой семантики и построение классификации таких конструктивных элементов; 3) сопоставление полученных данных с общеславянской мифологической традицией. Для решения указанных задач в работе использованы методы анализа, синтеза, классификации, сравнения, описания, а также моделирования; при сборе материала для исследования применялись методы интервью, беседы по тематическим опросникам, а при работе с архивными и опубликованными данными — метод сплошной выборки. Такой комплекс методов в конечном счете позволяет представить «мифологическую» модель крестьянской избы как фрагмента традиционной картины мира, сохраняющейся сегодня в сознании русских Пермского края, и выявить направления трансформации этой архаической модели мира. Результаты исследования могут быть использованы для уточнения выводов исследователей об общерусской и общеславянской мифологической традиции.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Согласно общеславянским народным верованиям, дом — «жилое пространство человека, символ семейного благополучия и богатства», в рамках культурной оппозиции «свой — чужой» он, как «свое» пространство, противопоставлен внешнему миру — «чужому» пространству [Плотникова и др., 1999, с. 116]. Духи локусов — «мифологические персонажи, обитающие в определенном пространстве (доме, хозяйственной постройке, лесу, водоеме, поле, месте нахождения клада и под.) и имеющие функцию хозяина, опекуна или защитника своей сферы обитания» [Левкиевская,

---

¹ Автор статьи принимает участие в полевой работе с 2010-х годов.

1999, с. 155], то есть полностью регламентирующие всю жизнь в данном пространстве и распоряжающиеся его богатствами (зверями, рыбой, ягодами и пр.) [Там же]. Хотя духи локусов и могут помогать человеку, но в случае их непочитания, нарушения правил ритуального и бытового взаимодействия с ними персонажи могут наказать человека; они также могут причинять вред тем, кто попал в их владения, без причины (например, в наших материалах есть сюжет о том, что домовый заплетает, скатывает человеку волосы, если тот ему не нравится), следовательно, эти персонажи осмысляются народным сознанием как опасные демоны, представители «нечеловеческого» мира. Как показывают наши материалы, духи как «освоенного», так и «неосвоенного» (природного) пространства могут обнаруживать себя в доме человека. Степень их «вторжения» в человеческое пространство может быть различной (от появления у окна / двери до нападения на человека в его постели), при этом в доме отчетливо выделяется ряд локусов, где наиболее часто происходит разного рода взаимодействие человека с духами-«хозяевами». Проведенный анализ показывает, что в число таких локусов попадают лишь те элементы, которые имеют культурную маркированность в общеславянской традиции.

Итак, все элементы и помещения крестьянского дома, которые, согласно мифологическим текстам Пермского края, являются локусами контактов человека с духами-«хозяевами», можно разделить в зависимости от их положения в конструкции избы на несколько групп. Рассмотрим каждую из них подробнее.

3.1. Конструктивные элементы, представляющие собой границы домашнего пространства

3.1.1. Конструктивные элементы, совпадающие с внешними границами дома

В эту подгруппу попадают *дверь* (а также *крыльцо*) и *порог, окно, крыша*. Так, согласно пермским мифологическим текстам, в *дверном проеме*, на *крыльце* или под *окном* показываются домовый, леший и русалка; через *дверь* леший покидает дом тоскующей по мужу женщины; об *порог* ударяют подмененного банником ребенка для его распознавания; на *порог* в новом доме кладут полотенце, чтобы зашел домовый; на *окне* также показывается и проявляет себя звуками домовый, а под *окном* — леший; через *окно* коммуницируют с домовым или с лешим; леший может проникать в дом через *окно*; леший снимает с домов *крыши*; он возвращает на *крышу* проклятого человека, за которого молились родные; леший убивает человека, с которым знался, сбросив его с *крыши*:

Вот уже двенадцать часов ночи, как вдруг в дверном проёме появилось какое-то существо, большое, белое. Перепугались мы все, молчим,

подумали, что домовый приходил (Чашкино, Березниковский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 716]; Одна женщина с дедушкой зналась. Приехала [одна женщина] к бабе той и говорит: «Хочу про корову свою узнать». <...> Баба говорит <...>: «Поезжай домой, молитвен не твори, в двенадцать часов спать к **окну** ложись. Он придёт и всё тебе скажет». <...> Постучал он в **окошко**, сам здоровуший, на **крылечко** навалился (Тетерина, Соликамский р-н) [ББ, с. 63—64]; Стала она [знающая] её [женщину, к которой ходит леший] лечить: в старину скатерть обернула и на печку. Он пришёл, всё унёс. **Крышу** снял. Вот он, чёрт, и унёс. Унёс все **двери**, всё сшибал (Акчим, Красновишерский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 430]; В **окно** кто-то стучится. Глядят: на корточках леший лезет в **дверь** (Касиб, Соликамский р-н) [Там же, т. 445]; Мне русалка виделась — это к худому. <...> Я на полати полезла, слышу, **двери** открылись, заходит сестра мужа, зашла и громко так говорит: «Мак, никого, видно, дома нету» (Пож, Юрлинский р-н) [Русские ..., 2008, с. 232—233]; Девка [проклятая] к зыбке подошла да как швырнет ребенка к **порогу**: «Кого растите!» А ребенок-от вдруг поленом стал. Подмененный, видимо, ребенок был. А настоящая девка у банницы росла (Большие Кусты, Куединский р-н) [ББ, с. 138]; Ложись полотенце под **порог**, чтоб зашёл хозяин (Ракшино, Кудымкарский р-н) [Русские ..., 2008, с. 236—237]; Перед войной он [суседко] начал куделю прясть <...>. Мама открыла **окно** в огород и спрашивает: «К добру или к худу?» (Майкор, Юсьвиский р-н) [Русские ..., 2008, с. 235]; Бабке тоже приснился домовый, душил. В **окно** лезет (Нижняя Зырянка, Усольский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 476]; Отец пахал, приехал домой обедать, дети зашумели, а он им: «Унеси ты леший!» Из-под **окна** дедушко-от лесной и увёл сына (Касиб, Соликамский р-н) [ББ, с. 74]; <...> А родные-то молились, да и вымолили её [«посланную» к лешему девочку], в один день он [леший] принес её, да на **крыше** её посадил (Ошмаш, Карагайский р-н) [КС, с. 89]; У нас в Зарубиной жила старушка и говорила: она зналась с ним [с лешим]. А потом он [её] со **двора** [с крыши] уронил. Снег стали скидывать. Ветер стал, стал. Её как тащишь со **двора** <...> [Со двора — это с крыльца?] Это с **крыши** (Васькова, Юрлинский р-н) [ДА ПГНИУ, № 2016-ПКД].

Значимость **дверей**, **окна** и **крыши** в поверьях и ритуалах, связанных с духами-«хозяевами» локусов, обусловлена их трактовкой в традиционной культуре славян как границы между мирами, ср.: окно — «часть дома, которая (наряду с порогом, дверью <...>) осмысливается как граница между своим (домашним) и чужим (внешним) пространством, обеспечивающая связь обитателей дома с внешним миром» [Виноградова и др., 2004, с. 534]; **крыша** представляет собой верхнюю границу дома [Валенцова, 2004, с. 15]. Таким образом, эти элементы дома являются первым рубежом,

где могут происходить разного рода контакты человека с демонами, в том числе с духами-«хозяевами».

3.1.2. Конструктивные элементы, соотносимые с внутренними границами дома

Анализируя эту подгруппу конструктивных элементов крестьянского дома, где рассматриваемые персонажи могут проявлять себя, следует рассматривать прежде всего вертикальное членение пространства избы. «Внутренние границы вертикального среза жилища представляют собой пол и потолок. <...> Потолок составляет парность к полу, почему иногда его называют верхний пол. Пол входит в комплекс представлений о низе, потолок — о верхе» [Махлина, 2015, с. 69]. Однако для нашего анализа наиболее важным является то, что пол и потолок делят дом «на три зоны — чердак, жилое пространство и подполье. <...> Соответственно чердак и подпол выходят за границы жилого пространства и находятся на его периферии» [Там же]. Таким образом, чердак и подпол осмысляются народным сознанием как «нечеловеческое», «неосвоенное» пространство, следовательно, как место обитания или появления различных демонов (в отношении духов-«хозяев») локусов эта тенденция в пермской традиции проявляется очень ярко, о чем подробно будет сказано ниже). Границы же между жилым и нежилым пространством также часто являются местом столкновения человека с рассматриваемыми персонажами: об *пол* швыряют подмененного банником ребенка для распознавания подмены; рядом со спящими на *полу* ложится домовой; *крышку голбца* открывают, чтобы домовой проводил умершего хозяина, когда выносят гроб на улицу; в нее кидают деньги для задабривания этого духа; по *потолку* бегают домовой, предсказывая смерть одного из домочадцев:

А та [баница] взяла [младенца] из люльки, да как об пол бросит! И видят всё — полено. «Вот вы её нянчили, а это вы полено нянчили. А она у нас была. В бане её подменили. А вот дочь ваша» (Чёрмоз, Ильинский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 605]; *Свекровь рассказывала: «Лежу я с ребетёнком на полу, жду батю. Вдруг кто-то зашёл, <...> молчит, рядом ложится <...>, а морда шерстистая». Она всё повторяла: «Леший, леший», — вот к ней домовой и пришёл!* (Осинцево, Кишертский р-н) [Там же, т. 332]; *Когда хозяин умрет выносят покойника на улицу, в это время надо голбешные двери открывать, домовый пускай хозяина идет провожает* (Губдор, Красновишерский р-н) [Там же, т. 608]; *Если ночью куда-то выходишь из избы, суседушка просыпается, и надо ему что-то «доброе» дать, бросить в отверстие крышки голбца* (Очёр) [Там же, т. 613]; *Они говорили: «Мы спим, а кто-то бегают по потолку». А Алёшка умер у них в десятом классе. <...> А мать Юлии Степановны — ей уж девяносто — сказала, что умрёт он. Он и умер* (Юсва) [Там же, т. 505].

3.2. Элементы, представляющие собой периферию жилого пространства

В эту группу попадают хозяйственные помещения. Анализ мифологических текстов Пермского края позволяет разделить такие места контакта с духами в соответствии с общим вертикальным членением крестьянской избы в славянской культуре и выделить подполье, хозяйственные помещения, находящиеся на уровне жилой части дома, и чердак.

Так, наиболее часто контакты человека с духами-«хозяевами» происходят в *голубце*, *погребце*, *подвале*, *подполье*: там обитает домовая, поэтому при переезде его вызывают / забирают именно из *голубца*, кладут туда угощение и кидают деньги для духа дома; там живет / проявляет себя леший; в *голубце* уходит оказавшаяся в доме русалка: *Говорили: суседко, суседиха в подвале живут* (Вильва, Соликамский р-н) [ЗС, с. 159]; *У каждого в доме есть суседушко или суседиха. Когда переезжали, старики-то нас научили, велят открыть голбцец и сказать: «Сусед и суседиха, идите с нами жить»* (Усть-Говоруха, Красновишерский р-н) [Там же, с. 27—28]; *Если ребенок по ночам вздрагивает — это его суседко пугает. Тогда от своего кусочка, когда ешь, надо отломить крошечку и в подвал в щелочку спустить. Или серебришку денежку кинуть* (Большие Кусты, Куединский р-н) [КБ, с. 33]; *И в ту ночь она выродила ребёнка и положила его на шесток, завернула. По талии по плечам вся была в голбце, вся в синяках, изнасилована. На лешего говорят, он любит сырых женщин* (Городище, Соликамский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 357]; *У нас в Половинке видали в доме русалку. Мы в баню уйдём, она крынки разобьёт, молоко скиснет, и в голбцец уходит* (Белявка, Оханский р-н) [Там же, т. 618]. Как мы указывали выше (см. п. 3.1.2), поскольку подпол является нежилым, то есть «неосвоенным», «нечеловеческим» пространством и находится ниже жилой части избы, то есть выступает как нижняя периферия дома, он символически соотносится с нижним миром «в космической вертикали “сакральный верх — земной мир — подземный мир”» [Левкиевская, 2009, с. 103] и, следовательно, осмыслиется народным сознанием как место обитания / появления различных демонов, в том числе духов-«хозяев».

С другой стороны, духи локусов могут обнаруживать себя и в верхней части дома — на *вышке* или *чердаке*: там проявляет себя звуками домовая, туда кидают камни, чтобы вызвать русалку: *У одной старухи батрак землю пахал, а как зашел домой, слышит: шаги, на чердаке кто-то ходит. Поднялся, а там небольшой мужичок в красном колпаке. Домовой дом охранял, пока он робил* (Редикор, Чердынский р-н) [ББ, с. 90]; *Слышим, а на вышке так и вещует: соседушко пришел, стучать, брэнчать начал* (Уролка, Соликамский р-н) [СПГ, т. 1, с. 95]; *Можно вызвать русалку, надо на чердак*

кидать камни, выйдет русалка и тоже будет кидать (Верх-Язьва, Красновишерский) [ФА ПГНИУ, т. 928]. Как и подполье, чердак тоже является нежилым, а значит, «нечеловеческим» пространством. Кроме того, чердак связан с крышей, поэтому он тоже получает символику границы между «своим» и «чужим» миром [Андрюнина, 2012б, с. 505]. Следовательно, чердак «приобретает отрицательную семантику <...> потустороннего пространства, <...> места коммуникации с иным миром» [Там же, с. 506].

Наконец, в мифологических текстах Пермского края в качестве мест появления духов локусов упоминаются хозяйственные помещения, в символической пространственной вертикали дома находящиеся на уровне его жилой части. К этой группе мы отнесем *чулан*, *кухню*, *сени* («*колидор*»). Так, в *чулане* обитает домовой; в *кухне* он показывается и проявляет себя звуками; в *кухню* и в *коридор* приходит леший, посещая женщину, тоскующую по мужу: *У нас в чулане домовой повадился спать. Я туда как-то раз пришла, так он мне котёнком на шею прыг — и давай душить* (Ничково, Красновишерский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 361]; *А однажды вместе с ним спали и слышим: в кухне посудник как брякнулся. Такой шум! Пошли посмотрели: всё на месте висит. <...> Забыла ему [домовому] кусочек хлеба положить!* (Всеволодо-Вильва, Александровский р-н) [Там же, т. 883]; *Если она [мать] с лешим знается, он тут. Она [дочь] воскресну молитву зачитала, а он на кухне был. Как она воскресну молитву зачитала, он полетел от кухни, как вихрь дурной* (Петрецово, Чердынский р-н) [ББ, с. 170]; *Я картошку ночью окучиваю, и кто-то свистнул. А кругом лес был у нас. <...> Я как дёрнула и убежала домой. <...> За мной Ваня бежит. А мне похоронка уж пришла. Видела его. А у нас дом шибко большой. Там три ступеньки надо ползать на **колидор**-то. Я ползла — там ещё три ступеньки. Я забежала. Двери-то стала запирать. Голову-то высунул, низко* (Орёл, Усольский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 510]. К этой же группе помещений отнесем *ванную*, которая есть лишь в современных деревенских домах, однако она тоже осмысливается как место, где проявляет себя домовой: *Воруг [Галя] проснулась, потому что услышала, что чё-то там [на кухне] гремело очень и очень сильно. Ну, встала она с кровати и пошла на кухню, видит, в **ванной** свет горит. Посмотрела в окошко: там нет никого. Хотела свет выключить в **ванной**, а дверь-то не открывается <...> Вот они какие, домовые-то!* (Орёл, Усольский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 873].

Все эти помещения в доме являются нежилыми. Так, *чулан* служит для хранения вещей, *кухня* и *ванная* — комнаты для выполнения хозяйственных работ (приготовления пищи, стирки и т. д.). *Колидор* в нашем примере — это сени, прихожая в избе. Именно признак «нежилой» в первую очередь обуславливает превращение этих помещений в места кон-

такта человека с духами локусов по модели «нежилой» → «неосвоенный, нечеловеческий» → «чужой, демонический». Кроме того, коридор и кухня также получают семантику пограничного пространства между «своим» домом и «чужим» внешним миром. Последнее обусловлено тем, что коридор связан с входной дверью как внешней границей дома, а в кухне находится печь, которая одновременно является и одним из сакральных центров избы, связанным с огнем и культом предков (а духи локусов — это, по славянским представлениям, души умерших прародителей или старших родственников), и границей между мирами, поскольку печная труба — это еще один «выход» во внешний мир (подробнее о печи будет сказано ниже).

3.3. Части дома, представляющие собой жилое пространство

К этой группе отнесем жилые помещения, которые выступают как «наиболее освоенные» человеком части избы. Согласно данным русских мифологических текстов Пермского края, такие помещения тоже могут быть местом контакта людей с духами локусов, а именно — с домовым: *Они меня ночевать оставили. Положили в залу, на диван. <...> Вот, значит, сплю я, и начало меня давить [показывает руками: держится за горло], навалился на меня вот так вот [давит себе на грудь] (Всеволодо-Вильва, Александровский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 883]; У нас посуда брякать начала по ночам. Я уж хотела освятить дом, в одной **комнате** освятила, в другой стали, и тут въяву увидела домового — низенький ростом, в шерсте (Калинино, Кунгурский р-н) [В каждой ..., 2007, с. 217]; Иногда обернешься, а из **спальни** двое мужичков махоньких таких выглядывают в большую половину. <...> А это, наверно, суседко выглядывал (Большие Кусты, Куединский р-н) [ББ, с. 88—89].*

Следует отметить, что все остальные духи-«хозяева», согласно пермской традиции, в жилых комнатах появляться не могут, они, как было показано в предыдущих разделах, проникают лишь в нежилые, «неосвоенные» помещения. Все сказанное хорошо иллюстрирует существующие в общеславянской традиции и в традиции Пермского края представления о роли домового. Именно этот дух является мифологическим покровителем крестьянской избы (или даже усадьбы в целом) и обеспечивает нормальную жизнь в ней всех домочадцев, поэтому он может появляться в любой части дома, в отличие от трех других рассматриваемых персонажей.

3.4. Элементы, представляющие собой сакральные центры дома

К числу таких элементов отнесем *стол*, который не является конструктивным элементом дома в собственном смысле, однако выступает одним из предметов, организующих внутреннее пространство жилища, и имеет значение в верованиях Пермского края, связанных с духами локусов.

Так, согласно мифологическим текстам, на столе оставляют еду для домового; за стол садят и угощают лешего, с которым «знаются»; у стола / на столе проявляет себя домовый: *В каждом доме есть домовый. <...> Вот нам <...> говорили <...>, что надо всегда угощение оставлять на **столе*** (Юм, Юрлинский р-н) [ДА ПГНИУ, № 2015-ХГП]; *Я приеду к ним, а они знали с этим лесным-то. <...> Садится за **стол** к окошку. Он этого барана всего съест, а косточки в окошко выбросит. Кринку браги выпьет* (Юрла) [Русские ..., 2008, с. 230]; [А вы не знаете, где живет соседка?] *Бывает, в шкафу живет, бывает в **столе*** (Чёрмоз, Ильинский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 464]; *И три раза мне блазил, <...> смотрю, **под скатёркой** чё-ко там бегаёт, <...> начинает поднимать **скатерку**. Я давай там шуровать. И вот когда-ко я пошла в голбец по картошку, <...> и прямо мне по ноге [ударил], я шуровала там, наверно это и сделал [домовый]* (Вильгорт, Чердынский р-н) [ДА ПГНИУ, № 2011-ЕЕВ].

В славянской народной культуре стол, наряду с печью, выступает сакральным центром дома и воплощает идею полноты и благополучия [Топорков, 2009, с. 39]. Он ставится в переднем углу либо в центре дома и «осмысляется как место пребывания Бога» и «место символического обмена между Богом, который наблюдал за людьми с икон, и людьми, которые вкушали пищу, ниспосланную Богом» [Топорков, 2012, с. 166]. Таким образом, стол наделялся высоким статусом, уподобляясь церковному престолу [Там же, с. 167]. Все это обуславливает использование стола в пермской традиции как почетного места для лешего, которого усаживают за стол как дорогого гостя, и как места для подношений домовому. По причине почтительного отношения к локусу «стол» действия русалки, описанные в следующем отрывке, воспринимаются как неподобающее, вредоносное поведение: *Тут, у Кыричева угора, русалка в доме жила. Так она стала на **обеденный стол** с печки валенком кидать. Её выгнали, она под мостом стала жить* (Беляевка, Оханский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 618].

3.5. Конструктивные элементы, совмещающие символику центра и границы дома

В числе таких элементов следует рассмотреть, во-первых, *матицу*. Благодаря своему положению в конструкции дома, она служила метафорическим центром избы (и символом дома в целом), а также обозначала двойную границу: между верхом и низом и между внутренним и внешним миром, то есть между «своим» и «чужим», «человеческим» и «нечеловеческим» мирами [Узенёва, 2004, с. 201—203]. Именно поэтому, по славянской традиции, на матице «оставляли часть обрядовой пищи (хлеб, жито, баницу), приготовленные для “хозяина”» [Там же, с. 203]. Согласно мифологическим текстам Пермского края, *матица* служит локусом появления только одно-

го духа — домового. Для задабривания персонажа при строительстве дома под нее кладут обрядовую пищу и деньги; на ней домовый проявляет себя действиями: *А когда дом строят, тогда судедко задабривают. Вот когда матку ставят, пирог рыбный пекут, несут на полотенце, и выпивку. <...> А кто кладёт 10 копеек под **матку** (Крюково, Еловский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 462]; *Вот ещё дома меня пугало. <...> А к **матице** у нас доски прибиты, мы на них лук держим. И вот кто-то в меня сверху луковицей кинул (Верх-Язьва, Красновишерский р-н) [Там же, т. 929].**

Интересно, что в ритуальной традиции региона используется не только матица, расположенная в жилой части избы, но и *нижняя матка*, то есть матица, находящаяся в голбце. К ней также привязывают обрядовую пищу для задабривания домового: *Вот у меня домовый — он то одеяло сташишит, то ешишио что. Тетка говорит: «Давай, мол, пирог рыбный испедем домовому». Испекли и в подвал спустили, под **нижнюю матку** подвязали, и с той поры никто не стал ходить (Рождественское, Карагайский р-н) [КС, с. 86].*

К числу элементов с рассматриваемой символикой, во-вторых, следует отнести *печь*. В традиции русских Пермского края она играет амбивалентную роль. Согласно части мифологических текстов, на *печи* / в *печи* / около *печи* могут обитать / проявлять себя все четыре описываемых духа. Так, банник давит тех, кто моется в *печи* после полуночи; около нее обнаруживает себя домовый, на *печи* он может давить человека; на / в / около *печи* оставляют угощение для домового или различные предметы, с которыми переносят духа в новый дом; леший ложится на *печь* к женщине, которая тоскует по мужу; на *печи* может появляться русалка: [А говорят, что в баню нельзя ходить после двенадцати?] *Нельзя, нельзя. <...> Вот женщина у нас пошла ночью в **печи** мыться. <...> Посмотрели, а она задавлена. Бес задавил её (Сепыч, Верещагинский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 614]; *Маша была дома и пела песни. Из-за **печки** вылезла домовушка и сказала: «Перестань!» <...> Маша закричала, а старушка испугалась и обратно за **печку** убежала (Редикор, Чердынский р-н) [ББ, с. 92]; *Я спала всё одна на кровати. Сплю, вот пришёл же, я знаю, я как вижу, я токо слышу всё, какой-то пришёл — и из кухни. Из кухни на **печь** встал, на этот, на приступок, и на меня, давит (Володино, Соликамский р-н) [ЗС, с. 147—148]; *У Ординых домовый был. Вот они стали переезжать, и его надо было с собой взять. Так они лапоть в **печь** бросили и кричат: «Домовой, выходи!» <...> А на новой квартире налили стакан воды, взяли кусок черного хлеба и вместе с лаптем положили в **печь** (Редикор, Чердынский р-н) [ББ, с. 112—113]; *Чтобы в доме все нормально было, нужно каждый месяц первого числа хлеб положить за **печку** и называть по имени домового (Перино, Кара-*****

гайский р-н) [КС, с. 86]; *Зажгу ночью огонек и на печке сплю. <...> Ничё понять не могу, будто бы двери отперлись и будто кто-то на печку ко мне лезет. <...> Леший ведь был* (Красновишерский р-н) [ВС, с. 31]; *Тут, у Кыричева угора, русалка в доме жила. Так она стала на обеденный стол с печки валенком кидать* (Беляевка, Оханский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 618].

Согласно другим текстам, печь является оберегом от демонов, и духи «хозяева» не могут навредить человеку, находящемуся на печи: [Бабушка, мы слышали, что в домах какой-то домовый живёт.] *Вот две солдатки жили. У них мужики на фронте пропали. <...> Наконец, они [мужья] пришли. В шинелях, ладные. <...> Тут у неё просыпался сахар, она наклонилась и видит, что у мужиков вместо ног копыта. Она сразу на печку побежала. [А почему на печку?] Потому что нечистая сила на русскую печку не полезет* (Чердын) [ФА ПГНИУ, т. 401]; *Лешой-он приходил в дом, в двенадцать ночи. <...> Если успеешь на печку забежать, дак он не тронет. Печка святая считается, а не успеешь — может задавить* (Лёкмартово, Чердынский р-н) [Там же, т. 722]; *Её мужика забрали в армию, ну, она стала тосковать об этом мужике. <...> Он ей раз пришёл вроде как мужик. <...> Тут одна бабка грамотная говорит: «Пойдём ко мне спать, пойдём ко мне спать. Ой, да у тебя мужик ушёл на войну, кто к тебе ходит?» <...> Стала она её лечить: в старину скатерть обернула и на печку... Он пришёл, всё унёс. Крышу снял* (Акчим, Красновишерский р-н) [Там же, т. 430].

Описанная роль печи в поверьях и обрядах, связанных с духами локусов, обусловлена ее двойной семантикой в славянской народной культуре. С одной стороны, печь выступает как один из сакральных центров дома, «сосредоточие семейно-родовых ценностей, источник жизни и здоровья, вместилище <...> чистого огня» [Топорков, 2009, с. 39]. Этим, на наш взгляд, обеспечиваются ее защитные функции. С другой стороны, печь имела символику границы между домом и внешним миром, «этим» и «тем» светом, «ассоциировалась с культом предков, осмыслялась как место обитания «душ»» [Там же, с. 40], поскольку печная труба, благодаря своему положению в конструкции жилища, представляла собой «специфический выход из дома, предназначенный для контактов с иным миром» [Там же, с. 39]. Именно это, по нашему мнению, делает печь местом контактов человека с духами-«хозяевами», которые, по славянским народным представлениям, генетически восходят к предкам рода [Левкиевская, 1999, с. 156].

Отметим, что традиция взаимодействия с духами локусов через трубу, которая в этом смысле «противопоставляется двери как регламентированному входу и выходу» [Андрюнина, 2012а, с. 325], сохраняется у русских Пермского края до настоящего времени. В трубу смотрят / кричат, чтобы вернуть пропавшего в лесу; через нее знающие общаются с лешим; через

трубу русалка покидает дом человека: *У нас парень заблудился, Витька. <...> Искали, искали, даже в **трубу** смотрели* (Писаная, Красновишерский р-н) [ББ, с. 76]; *Недалеко от деревни Петрована еще семилетним леший водил. <...> Лег спать потом, а леший будит: поешь, мол, потом спи. Просыпаюсь, а он: «Домой тебя зовут. Печку затопили, дым идет. Тебя, значит, в **трубу** гаркают»* (Лызиб, Соликамский р-н) [Там же, с. 79—80]; *Соседка у нас одна жила, недалеко отсюда. <...> Говорили, что ходил Иван с метлой, по вечерам в **трубу** к ней залетал. Так старушки говорили — леший это* (Лужково, Очёрский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 611]; *Шишига сидит, чешется. <...> А он гребень и унёс. Пришла к нему в 12 часов: «Отдай гребень». Он не отдал. Она пташкой, вороной и улетела в **трубу**. Труба-то некрещеная* (Осинцево, Кишертский р-н) [Там же, т. 460].

Наконец, в рамках анализируемой группы конструктивных элементов дома следует рассмотреть **угол**. Отметим, что разные углы в пространстве крестьянской избы имеют разную семантику. В частности, особое значение имеет *передний угол*, который символизировал церковный алтарь: «здесь находилась божница с иконами, висела лампада, пузырьки со святой водой или маслом, кошельки с ладаном, просфорами и артосом, лежали священные книги, кресты, свечи» [Агапкина, 2012, с. 342]. Для нашего анализа важно, что место за столом в переднем углу принадлежало «старшему мужчине, хозяину, который соотносился с предком-покровителем. Гость, хоть и очень почетный, сам не может сесть в передний У. [угол. — М. Г.], а должен быть препровожден туда хозяином» [Там же]. Таким образом, в передний угол усаживали самых почетных гостей. Эту традицию мы наблюдаем и в верованиях, связанных с духами локусов. Так, человек, который «знается» с лешим, приглашает его на свадьбу и садит именно в *передний угол*, чтобы показать свое уважение к демону, задобрить его: *Это Алеша Лазарёнок че-ко знал како-то. Четверть вина на стол ставил, да когда свадьба у него была, да не у него — У Петрухи. Четверть вина ставил в **передний угол** — его поил. [Кого — его?] Лешего. [А он в деревню заходил?] Да видно где-ка за стол, на свадьбу даже пришел* (Ратегова, Красновишерский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 722].

С другой стороны, углы, «как наиболее далекие от центра точки жилища и замкнутое с двух сторон пространство <...> воспринимаются как культурная периферия», поэтому за ними «закрепляется комплекс отрицательных значений, соотносимых с идеей маргинальности» [Агапкина, 2012, с. 341]. Следовательно, они становятся местом обитания / появления различных демонов. Так, согласно мифологическим текстам Пермского края, в *углу* показывается / обитает домовый: там оставляют угощение и деньги для духа; из *угла* вызывают домового переехать в новый дом; в *углы* тычут осиновой палкой, чтобы изгнать домового из дома, или рассыпают

мак, чтобы домовою «не блазил»: *Домовою есть. В новый дом когда переехала, каждое утро, как ни встану — в синяках. Сказали, это я хозяйина не благодарила. Надо испечь булочки и в каждый угол положить. Сделала так, и ничего не стало...* (Бикбарда, Куединский р-н) [КБ, с. 33]; *Когда переезжала в новый дом, я одарила домового: в каждый угол, в голбец деньги совала* (Чёрный Яр, Кишертский р-н) [СРГЮП, т. 2, с. 223]; *Когда переезжаешь в новый дом, брали старую шубейку и ходили по углам старого дома, говорили: «Дедка-соседка, мы уезжаем в новый дом и ты с нами, там тебе будет хорошо»* (Еламбуи, Куединский р-н) [КБ, с. 29]; [Домового выгоняют:] *Садятся верхом на какую-то палку, наряжаются стариком мохнатым, и вот, по углам, верхом садятся на эту палку, на осинову палку-то, и вот в каждый угол тычут ей-то, и гоняют его, он и убегает* (Дубовая Гора, Куединский р-н) [Там же, с. 28]; *Дочь моя ушла из дому, а я спать легла. Проснулась часа в три, смотрю — женищина ходит по комнате. Маленькая такая, вся в чёрном, и руками так делает впереди себя, как будто кур кормит <...> Женищина дала мне ладан и посоветовала трёхгодовалый мак по углам рассыпать <...> Домовою это меня понужал* (Чкалово, Березниковский р-н) [ФА ПГНИУ, т. 716].

Кроме того, углы в славянской народной традиции могут иметь символику границы, поскольку отделяют «свое» домашнее пространство от «чужого» внешнего мира [Агапкина, 2012, с. 341]. И два последних отрывка можно рассмотреть также в этом ключе: с помощью мака или палки домового изгоняют из жилища. Такую же символику угла, на наш взгляд, можно увидеть в обряде распознавания подмененного банником ребенка, когда угол «используется» вместе с порогом, который, как говорилось выше, также служит границей домашнего пространства: *Девка-то, дочь, своей матери и говорит: «Где дочка твоя была? Ты восемнадцать лет нечистую силу кормила, а я всё это время жила на полке в бане». Тогда она берёт ребёнка за руки и бьёт его за угол об порог. Стукнула, и в её руках оказалось осиновое полено* (Нижние Новинки, Усольский р-н) [УД, с. 209].

4. Заключение = Conclusions

Итак, мы рассмотрели элементы крестьянского дома, которые, согласно мифологическим представлениям русских жителей Пермского края, являются местами контактов людей с духами-«хозяевами» локусов. Выводы проведенного исследования могут быть отражены в следующих положениях.

Местами контакта человека с исследуемыми персонажами выступают те элементы дома, которые в славянской традиции воспринимаются как сакральные центры избы (*печь, стол*) или ее периферия («полуосвоенное пространство») и границы. Проведенный анализ позволяет расположить все

рассмотренные элементы дома по степени их «освоенности» человеком в следующем порядке: 1) конструктивные элементы, составляющие внешние границы дома, то есть отделяющие дом от внешнего мира (*дверь, порог, крыльцо, окно, крыша, (печная) труба, а также угол*); 2) нежилые помещения, находящиеся выше (*чердак*) или ниже (*голубец*) жилой части дома; 3) внутренние границы дома, отделяющие эти нежилые пространства от жилой части избы, то есть обеспечивающие деление пространства крестьянского дома по вертикали (*пол, потолок, матица*); 4) нежилые помещения, находящиеся на одном уровне с жилыми комнатами (*чулан, кухня, ванная, коридор*); 5) периферийная часть хозяйственных и жилых помещений (*угол*); 6) ключевые центры избы (*печь, стол*); 7) жилые комнаты (*спальня, зала, комната*). При этом чем более «освоенной» является та или иная часть дома, тем меньше контактов с духами-«хозяевами» в ней происходит. Так, в жилые комнаты, как в самые «человеческие» помещения, может проникать только домовая; остальные персонажи туда не «заходят». Эта тенденция, выявленная на пермском материале, отвечает логике общеславянской традиции, согласно которой домовая является покровителем жилища человека и может появляться в любой части крестьянской усадьбы.

С другой стороны, мы можем наблюдать некоторое осовременивание пространственного кода в верованиях русских Пермского края (так, в качестве места, где действует домовая, может быть *ванная*, которой не было в традиционной крестьянской избе). Однако такое осовременивание ведет не к разрушению традиции, а лишь к ее незначительной трансформации: новые верования встраиваются в уже существующие культурные модели (*ванная* встает в один ряд с другими нежилыми помещениями).

Проведенный анализ показывает, что при восприятии жителями края тех или иных элементов дома как мест возможного столкновения с духами-«хозяевами» важными оказываются такие характеристики этих элементов, как «внутренний — внешний», «верхний — нижний», «центральный — периферийный». Это базовые для славянской традиции пространственные характеристики, которые реализуют одну из ключевых оппозиций народной культуры — «свой» («человеческий») — «чужой» («нечеловеческий», «демонический»).

Таким образом, мы можем говорить о соответствии рассмотренного фрагмента мифологической традиции русских жителей Пермского края общеславянским верованиям.

Источники и принятые сокращения

1. ББ — *Шумов К. Э.* Былички и бывальщины : старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / К. Э. Шумов. — Пермь : Книжное издательство, 1991. — 412 с. — ISBN 5-7625-0117-5.

2. В каждой ..., 2007 — *Подюков И. А.* «В каждой деревне что-то да разное»: из кунгурской семейной традиции (двадцатый век) / И. А. Подюков, С. М. Поздеева, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. — Пермь : Пермское книжное издательство, 2007. — 284 с. — ISBN 978-5-93683-129-4.

3. ВС — *Жданова Н. В.* Вишерская старина: сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района / Н. В. Жданова, И. А. Подюков, С. В. Хоробрых. — Пермь : Пермский региональный институт педагогических информационных технологий, 2002. — 115 с. — ISBN 5-85218-128-5.

4. ДА ПГНИУ — *Диалектологический* архив при кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.

5. ЗС — *Подюков И. А.* Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района / И. А. Подюков, А. В. Черных, С. В. Хоробрых. — Пермь : Пермское книжное издательство, 2006. — 224 с. — ISBN 5-93683-114-0.

6. КБ — *Черных А. В.* Куединские былички : мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX—XX вв. / А. В. Черных. — Пермь : Издательство ПониЦАА, 2004. — 114 с. — ISBN 5-98244-013-2.

7. КС — *Подюков И. А.* Карагайская сторона : народная традиция в обрядности, фольклоре и языке / И. А. Подюков. — Кудымкар : Коми-Пермяцкое книжное издательство, 2004. — 320 с. — ISBN 5-87901-086-4.

8. Русские ..., 2008 — *Бахматов А. А.* Русские в Коми-Пермяцком округе : обрядность и фольклор : материалы и исследования / А. А. Бахматов, Т. Г. Голева, И. А. Подюков, А. В. Черных. — Пермь : От и до, 2008. — 502 с. — ISBN 978-5-904013-41-7.

9. СД — *Славянские древности* : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995—2012. — Т. 1—5.

10. СМЛФСРГП — *Словарь* мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья / под ред. И. А. Подюкова. — Санкт-Петербург : Мамагов, 2020. — 368 с. — ISBN 978-5-91076-215-6.

11. СПГ — *Словарь* пермских говоров : в 2 выпусках / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Т. 1—2.

12. СРГЮП — *Словарь* русских говоров Южного Прикамья : в 3-х выпусках / И. А. Подюков. — Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 2010—2012. — Т. 1—3.

13. УД — *Антипов Д. А.* Усольские древности : сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX—XX вв. / Д. А. Антипов, А. М. Белавин, И. А. Подюков, С. В. Хоробрых. — Усолье ; Соликамск ; Березники : Пермское книжное издательство, 2004. — 240 с. — ISBN 5-93683-053-5.

14. ФА ПГНИУ — *Фольклорный* архив при кафедре русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета.

15. ЭСМРПК — *Этнодиалектный* словарь мифологических рассказов Пермского края. Люди со сверхъестественными свойствами / И. И. Русина, А. В. Черных, К. Э. Шумов, С. Ю. Королёва. — Санкт-Петербург : Мамагов, 2019. — Ч. 1. — 832 с. — ISBN 978-5-91076-099-2.

16. ЭССТСП — *Этнолингвистический* словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / сост. И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. — Усолье ; Соликамск ; Березники ; Пермь : Пермское книжное издательство, 2004. — 360 с. — ISBN 5-93683-065-9.

Литература

1. *Агапкина Т. А.* Угол / Т. А. Агапкина // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2012а. — Т. 5. С (Сказка) — Я (Ящерица). — С. 341—345. — ISBN 978-5-7133-1380-7.
2. *Андрюнина М. А.* Труба печная / М. А. Андрюнина // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2012а. — Т. 5. С (Сказка) — Я (Ящерица). — С. 325—329. — ISBN 978-5-7133-1380-7.
3. *Андрюнина М. А.* Чердак / М. А. Андрюнина // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2012б. — Т. 5. С (Сказка) — Я (Ящерица). — С. 506—505. — ISBN 978-5-7133-1380-7.
4. *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. — Ленинград : Наука, 1983. — 191 с.
5. *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. — Москва : Индрик, 2007. — 600 с. — ISBN 978-5-85759-419-3.
6. *Брюханова М. А.* Акциональный код сиротской свадьбы (традиция Пермского Прикамья на общерусском фоне) / М. А. Брюханова, С. Ю. Королёва // Филологические заметки. — 2020. — Т. 2. — № 18. — С. 20—48. — DOI: 10.17072/1857-6060-2020-18-2-20-48.
7. *Валенцова М. М.* Крыша / М. М. Валенцова // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2004. — Т. 3. К (Круг) — П (Перепелка). — С. 15—18. — ISBN 5-7133-1207-0.
8. *Виноградова Л. Н.* Окно / Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2004. — Т. 3. К (Круг) — П (Перепелка). — С. 534—539. — ISBN 5-7133-1207-0.
9. *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифоритуальная традиция славян / Л. Н. Виноградова. — Москва : Индрик, 2000. — 432 с. — ISBN 5-85759-110-4.
10. *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре : семантика и символика / А. В. Гура. — Москва : Индрик, 2011. — 936 с. — ISBN 978-5-91674-150-6.
11. *Королёва С. Ю.* «В голбче-то у нас могильник» : детские захоронения вне общего кладбища в XX веке (практики и нарративы Северного Прикамья) / С. Ю. Королёва // Традиционная культура. — 2018а. — Т. 19. — № 3. — С. 138—149.
12. *Королёва С. Ю.* Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья) / С. Ю. Королёва // Антропологический форум. — 2014. — № 23. — С. 52—76.
13. *Королёва С. Ю.* Простонародные спиритические гадания в XX в. (столоверчение и круг с буквами) / С. Ю. Королёва // Шаги-Steps. — 2018б. — Т. 4. — № 2. — С. 204—227. — DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-2-204-227.
14. *Криничная Н. А.* Русская мифология : мир образов фольклора / Н. А. Криничная. — Москва : Академический проект; Гаудеамус, 2004. — 1008 с. — ISBN 5-8291-0388-5.
15. *Левин И.* Двоеверие и народная религия в истории России / И. Левин. — Москва : Индрик, 2004. — 214 с. — ISBN 5-85759-284-4.

16. *Левкиевская Е. Е.* Восточнославянский мифологический текст : семантика, диалектология, прагматика : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.03 / Е. Е. Левкиевская. — Москва, 2007. — 634 с.

17. *Левкиевская Е. Е.* Духи локусов / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1999. — Т. 2. Д (Давать) — К (Крошки). — С. 155—157. — ISBN 5-7133-0982-7.

18. *Левкиевская Е. Е.* Подпол / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2009. — Т. 4. П (Переправа через воду) — С (Сито). — С. 103—106. — ISBN 5-7133-0703-4.

19. *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег. Семантика и структура / Е. Е. Левкиевская. — Москва : Индрик, 2002. — 336 с. — ISBN 5-85759-185-6.

20. *Махлина С. Т.* Дом в пространстве русской народной художественной культуры / С. Т. Махлина // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2015. — № 4 (25). — С. 65—69.

21. *Пермиловская А. Б.* Семантика крестьянского дома в культуре Русского Севера (XIX — нач. XX вв.) : автореферат диссертации ... кандидата культурологии : 24.00.01 / А. Б. Пермиловская. — Санкт-Петербург, 2004. — 21 с.

22. *Плотникова А. А.* Дом / А. А. Плотникова, В. В. Усачёва // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1999. — Т. 2. Д (Давать) — К (Крошки). — С. 116—120. — ISBN 5-7133-0982-7.

23. *Райан В. Ф.* Бая в полночь : исторический обзор магии и гаданий России / В. Ф. Райан. — Москва : Новое литературное обозрение, 2006. — 718 с. — ISBN 5-86793-444-6.

24. *Русинова И. И.* Способы облегчения смерти колдуна (на материале русских мифологических рассказов Пермского края) / И. И. Русинова // Традиционная культура. — 2020. — Т. 21. — № 1. — С. 136—148. — DOI: 10.26158/TK.2020.21.1.010.

25. *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян / О. А. Седакова. — Москва : Индрик, 2004. — 320 с. — ISBN 5-85759-285-2.

26. *Теплова Н. М.* «Крута гора забывчива : еще не раз в Москву съездишь...»: традиционные приемы чердынских повитух и знахарок, связанные с родами и периодом младенчества / Н. М. Теплова, С. Ю. Королёва // Славянская традиционная культура и современный мир. — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2012. — Выпуск 15. Стратегия и практика полевых исследований. — С. 226—241. — ISBN 978-5-86132-104-4.

27. *Толстой Н. И.* «Без четырех углов изба не строится» (Заметки по славянскому язычеству / Н. И. Толстой // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. — Москва : Индрик, 2000. — С. 9—24. — ISBN 5-85759-004-3.

28. *Толстой Н. И.* Язык и культура / Н. И. Толстой // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — Москва : Индрик, 1995. — С. 15—26. — ISBN 5-85759-015-9.

29. *Топорков А. Л.* Печь / А. Л. Топорков // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2009. — Т. 4. П (Переправа через воду) — С (Сито). — С. 39—44. — ISBN 5-7133-0703-4.

30. *Топорков А. Л. Стол* / А. Л. Топорков // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2012. — Т. 5. С (Сказка) — Я (Ящерица). — С. 165—170. — ISBN 978-5-7133-1380-7.

31. *Узенёва Е. С. Магица* / Е. С. Узенёва // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2004. — Т. 3. К (Круг) — П (Перепелка). — С. 201—203. — ISBN 5-7133-1207-0.

32. *Христофорова О. Б. Икота* : мифологический персонаж в локальной традиции / О. Б. Христофорова. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2013. — 303 с. — ISBN 978-5-7281-1487-1.

33. *Чагин Г. Н. Мироззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX в.* / Г. Н. Чагин. — Пермь : Издательство Пермского университета, 1993. — 184 с. — ISBN 5-8241-0016-0.

34. *Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. Весна, лето, осень* / А. В. Черных. — Пермь : Пушка, 2006. — Ч. 1. — 368 с. — ISBN 5-98799-023-8.

35. *Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. Зима* / А. В. Черных. — Пермь : Пушка, 2007. — Ч. 2. — 368 с. — ISBN 978-5-98799-058-2.

36. *Четина Е. М. Символические реальности Пармы : Очерки традиционной культуры Пермского края* / Е. М. Четина, И. Ю. Роготнев. — Пермь : Издательство Пермского государственного университета, 2010. — 224 с. — ISBN 978-5-7944-1592-6.

Material resources

Antipov, D. A., Belavin, A. M., Podyukov, I. A., Khorobryh, S. V. (2004). *Usolsky antiquities: a collection of works and materials on the traditional culture of the Russians of the Usolsky district of the late XIX—XX centuries*. Usolye; Solikamsk; Berezniki: Perm Book Publishing House. 240 p. ISBN 5-93683-053-5. (In Russ.).

Bakhmatov, A. A., Goleva, T. G., Podyukov, I. A., Chernykh, A. V. (2008). *Russians in the Komi-Permyak District: ritual and folklore: materials and research*. Perm: From and to. 502 p. ISBN 978-5-904013-41-7. (In Russ.).

Chernykh, A. V. (2004). *Kuedinsky bylichki: mythological stories of Russians of the Kuedinsky district of the Perm region at the end of the XIX—XX centuries*. Perm: PONIT-SAA Publishing House. 114 p. ISBN 5-98244-013-2. (In Russ.).

Dialectological Archive at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of Perm State National Research University. (In Russ.).

Dictionary of Perm dialects: in 2 issues, 1—2. (2000—2002). Perm: Book World. (In Russ.).

Dictionary of Russian dialects of the Southern Kama region: in 3 issues, 1—3. (2010—2012). Perm: Perm State Pedagogical University. (In Russ.).

Ethnodialect dictionary of mythological stories of the Perm Region. People with supernatural properties, 1. (2019). St. Petersburg: Mamatov. 832 p. ISBN 978-5-91076-099-2. (In Russ.).

Ethnolinguistic dictionary of wedding terminology of the Northern Kama region. (2004). Usolye; Solikamsk; Berezniki; Perm: Perm Book Publishing House. 360 p. ISBN 5-93683-065-9. (In Russ.).

Podyukov, I. A., Pozdeyeva, S. M., Khorobryh, S. V., Black, A. V. (2007). *“In every village something is different”: from the Kungur family tradition (twentieth century)*. Perm: Perm Book Publishing House. 284 p. ISBN 978-5-93683-129-4. (In Russ.).

- Podyukov, I. A., Chernykh, A. V., Khorobrykh, S. V. (2006). *Solikamsk Land. Traditional culture, ritual and folklore of the Russians of the Solikamsk district*. Perm: Perm Book Publishing House. 224 p. ISBN 5-93683-114-0. (In Russ.).
- Podyukov, I. A. (2004). *Karagay side: folk tradition in ritual, folklore and language*. Kudymkar: Komi—Permyak Book Publishing House. 320 p. ISBN 5-87901-086-4. (In Russ.).
- Podyukov, I. A. (ed.). (2020). *Dictionary of the mortal vocabulary, phraseology and symbolism of the Russian dialects of the Kama region*. St. Petersburg: Mamatov. 368 p. ISBN 978-5-91076-215-6. (In Russ.).
- Shumov, K. E. (1991). *Bylichki and byvalschiny: Old Testament stories recorded in the Kama region*. Perm: Book Publishing House. 412 p. ISBN 5-7625-0117-5. (In Russ.).
- The Russian Folklore Archive at the Department of Russian Literature of the Perm State National Research University*. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. (ed.). (1995—2012). *Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes, 1—5*. Moscow: International Relations. (In Russ.).
- Zhdanova, N. V., Podyukov, I. A., Khorobrykh, S. V. (2002). *Visherskaya antiquity: a collection of folklore and ethnolinguistic materials on the ceremonial tradition of the Krasnovishersky district*. Perm: Perm Regional Institute of Pedagogical Information Technologies. 115 p. ISBN 5-85218-128-5. (In Russ.).

References

- Agapkina, T. A. (2012a). Angle. In: *Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes, 5. S (Fairy Tale) — I (Lizard)*. Moscow: International Relations. 341—345. ISBN 978-5-7133-1380-7. (In Russ.).
- Andryunina, M. A. (2012a). Stove pipe. In: *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes, 5. S (Fairy Tale) — I (Lizard)*. Moscow: International Relations. 325—329. ISBN 978-5-7133-1380-7. (In Russ.).
- Andryunina, M. A. (2012b). Cherdak. In: *Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes, 5. S (Fairy Tale) — Ya (Lizard)*. Moscow: International Relations. 506—505. ISBN 978-5-7133-1380-7. (In Russ.).
- Bayburin, A. K. (1983). *Dwelling in the rituals and representations of the Eastern Slavs*. Leningrad: Nauka. 191 p. (In Russ.).
- Berezovich, E. L. (2007). *Language and traditional culture: ethnolinguistic studies*. Moscow: Indrik. 600 p. ISBN 978-5-85759-419-3. (In Russ.).
- Bryukhanova, M. A., Koroleva, S. Y. (2020). The action code of the orphan wedding (the tradition of the Perm Kama region on an all-Russian background). *Philological notes*, 2 (18): 20—48. DOI: 10.17072/1857-6060-2020-18-2-20-48. (In Russ.).
- Chagin, G. N. (1993). *Worldview and traditional rites of the Russian peasants of the Middle Urals in the middle of the XIX — early XX century*. Perm: Perm University Press. 184 p. ISBN 5-8241-0016-0. (In Russ.).
- Chernykh, A. V. (2006). *Russian Folk calendar in the Kama region. Holidays and rituals of the late XIX — mid XX century. Spring, summer, autumn 1*. Perm: Pushka. 368 p. ISBN 5-98799-023-8. (In Russ.).
- Chernykh, A. V. (2007). *Russian folk calendar in the Kama region. Holidays and rituals of the late XIX — mid XX century. Winter, 2*. Perm: Pushka. 368 p. ISBN 978-5-98799-058-2. (In Russ.).

- Cetina, E. M., Rogotnev, I. Y. (2010). *Symbolic realities of Parma: Essays on the traditional culture of the Perm Region*. Perm: Perm State University Publishing House. 224 p. ISBN 978-5-7944-1592-6. (In Russ.).
- Gura, A. V. (2011). *Marriage and wedding in Slavic folk culture: semantics and symbolism*. Moscow: Indrik. 936 p. ISBN 978-5-91674-150-6. (In Russ.).
- Khristoforova, O. B. (2013). *Hiccup: a mythological character in a local tradition*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 303 p. ISBN 978-5-7281-1487-1. (In Russ.).
- Koroleva, S. Yu. (2018a). “We have a burial ground in golbche”: children’s burials outside the general cemetery in the XX century (practices and narratives of the Northern Kama region). *Traditional culture*, 19 (3): 138—149. (In Russ.).
- Koroleva, S. Yu. (2014). The rite of “soul wires” with the ritual substitute of the deceased (materials of the Russian-Komi-Permian borderland). *Anthropological Forum*, 23: 52—76. (In Russ.).
- Koroleva, S. Yu. (2018b). Common spiritualistic divination in the XX century. (table-turning and a circle with letters). *Steps-Steps*, 4 (2): 204—227. DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-2-204-227. (In Russ.).
- Krinichnaya, N. A. (2004). *Russian mythology: the world of folklore images*. Moscow: Academic Project; Gaudeamus. 1008 p. ISBN 5-8291-0388-5. (In Russ.).
- Levin, I. (2004). *Duality and folk religion in the history of Russia*. Moscow: Indrik. 214 p. ISBN 5-85759-284-4. (In Russ.).
- Levkievskaya, E. E. (2007). *East Slavic mythological text: semantics, dialectology, pragmatics*. Doct. Diss. Moscow. 634 p. (In Russ.).
- Levkievskaya, E. E. (1999). Spirits of loci. In: *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes, 2. D (To Give) — K (Crumbs)*. Moscow: International Relations. 155—157. ISBN 5-7133-0982-7. (In Russ.).
- Levkievskaya, E. E. (2009). Podpol. In: *Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes, 4. P (Crossing the water) — S (Sieve)*. Moscow: International Relations. 103—106. ISBN 5-7133-0703-4. (In Russ.).
- Levkievskaya, E. E. (2002). *Slavic amulet. Semantics and structure*. Moscow: Indrik. 336 p. ISBN 5-85759-185-6. (In Russ.).
- Makhlina, S. T. (2015). House in the space of Russian folk art culture. *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 4 (25): 65—69. (In Russ.).
- Permilovskaya, A. B. (2004). *Semantics of the peasant house in the culture of the Russian North (XIX — beginning. XX centuries)*. Author’s abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 21 p. (In Russ.).
- Plotnikova, A. A., Usacheva, V. V. (1999). Dom. In: *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes, 2. D (To Give) — K (Crumbs)*. Moscow: International Relations. 116—120. ISBN 5-7133-0982-7. (In Russ.).
- Ryan, V. F. (2006). *Bath at Midnight: a historical review of magic and divination in Russia*. Moscow: New Literary Review. 718 p. ISBN 5-86793-444-6. (In Russ.).
- Rusinova, I. I. (2020). Ways to facilitate the death of a sorcerer (based on the material of Russian mythological stories of the Perm Region). *Traditional culture*, 21 (1): 136—148. DOI: 10.26158/TK.2020.21.1.010. (In Russ.).
- Sedakova, O. A. (2004). *Poetics of the rite. Funeral rites of the Eastern and Southern Slavs*. Moscow: Indrik. 320 p. ISBN 5-85759-285-2. (In Russ.).
- Teplava, N. M. (2012). “Steep mountain forgetful: you will go to Moscow more than once...”: traditional receptions of Cherdyn midwives and healers associated with childbirth

- and the period of infancy. In: *Slavic traditional culture and the modern world*. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. 226—241. ISBN 978-5-86132-104-4. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. (2000). “A hut cannot be built without four corners” (Notes on Slavic paganism). In: *Slavic and Balkan folklore. Folk demonology*. Moscow: Indrik. 9—24. ISBN 5-85759-004-3. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. (1995). Language and culture. In: *Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics*. Moscow: Indrik. 15—26. ISBN 5-85759-015-9. (In Russ.).
- Toporkov, A. L. (2009). Furnace. In: *Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes, 4. P (Crossing the water) — S (Sieve)*. Moscow: International Relations. 39—44. ISBN 5-7133-0703-4. (In Russ.).
- Toporkov, A. L. (2012). Table. In: *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes, 4. P (Crossing the water) — S (Sieve)*. Moscow: International Relations. 165—170. ISBN 978-5-7133-1380-7. (In Russ.).
- Uzeneva, E. S. (2004). Matitsa. In: *Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes, 3. K (Circle) — P (Quail)*. Moscow: International Relations. 201—203. ISBN 5-7133-1207-0. (In Russ.).
- Valentsova, M. M. (2004). Roof. In: *Slavic Antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes, 3. K (Circle) — P (Quail)*. Moscow: International Relations. 15—18. ISBN 5-7133-1207-0. (In Russ.).
- Vinogradova, L. N., Levkievskaya, E. E. (2004). Window. In: *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes, 3. K (Circle) — P (Quail)*. Moscow: International Relations. 534—539. ISBN 5-7133-1207-0. (In Russ.).
- Vinogradova, L. N. (2000). *Folk demonology and the mythological tradition of the Slavs*. Moscow: Indrik. 432 p. ISBN 5-85759-110-4. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.10.2022,
одобрена после рецензирования 12.11.2022,
подготовлена к публикации 26.12.2022.